

Лаврова А.А.

УДК 821.111-2.09

МАСОНСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА ИОКАНААНА
(ПЬЕСА ОСКАРА УАЙЛЬДА «САЛОМЕЯ»)

Творчество О. Уайльда, ярчайшего представителя и «крёстного отца» эстетизма, никогда не оставалось вне внимания литературоведов и критиков. Однако приходится констатировать, что, несмотря на неослабевающий интерес к личности Уайльда и довольно внушительный массив работ, посвящённых писателю и его творческому наследию, среди которых монографии, биографии, защищённые диссертации, научные статьи в специализированных изданиях и статьи в популярных журналах, далеко не на все вопросы получены однозначные ответы. Так, до сих пор за рамками литературоведческого внимания остаётся проблема рецепции масонства в его творчестве. Именно этой проблеме (на примере анализа образа Иоканаана в пьесе Уайльда «Саломея») и посвящена данная статья.

В разное время Уайльда называли имморалистом (А. Жид), гедонистом (И. Аксельрод), эстетом (И. Северянин), борцом с викторианской моралью (М. Горький), всякий раз акцентируя внимание на какой-то одной, наиболее явной в том или ином проявлении черте. Жак де Ланглад движущей силой творческого гения Уайльда считал гомосексуализм [4]. Исходя из этих номинаций (попутно заметим, что ни одну из них мы не оспариваем) предпринималась попытка анализировать философские и эстетические взгляды, а также интерпретировать произведения писателя. Однако ни один исследователь не попытался взглянуть на творчество Уайльда сквозь призму масонской традиции и символики.

И если это объяснимо с точки зрения идеологических установок литературоведения советского периода (работы А.А. Аникста, Т.А. Боборькиной, Г.В. Аникина и Н.П. Михальской, Е.Ю. Гениевой, З.Т. Гражданской, А.А. Гозенпуда, Г.Э. Ионкис, В.А. Лукова, М.В. Урнова и др.), то явное пренебрежение фактом участия Уайльда в масонском движении и как следствие – рецепции масонства в его творчестве (появившиеся в последние годы работы А.В. Геласимова, М.С. Губаревой, Н.М. Пальцева, К.Н. Савельева, М.Г. Соколянского, Н.В. Соломатиной, А.И. Тетельман) делает анализ неполным и, на наш взгляд, существенно обедняет уайльдоведение, ибо, как справедливо заметил Т. Уоллес-Мерфи, «глубокий интерес к теме скрытого символизма и поможет увидеть множественные смысловые уровни <...>» [10, с. 9].

Итак, говоря об эстетизме Уайльда, мы должны иметь в виду ясно выраженную цель масонства, заключающуюся в «возведении внутреннего храма Красоты» [8, с. 291], и то, что эта красота «останется непроявленной, пока не будет восстановлено Утраченное Слово» [8, с. 295].

Известно, что во время учёбы в Оксфорде Оскар Уайльд по рекомендации Дж. Бодли стал масоном и был зачислен в ложу Аполлона. А «25 мая 1875 г. ему была присвоена степень Мастера в ложе № 357 Оксфордского университета» [8, с. 189]. Г. Юзефович отмечает: «Успешно продвигаясь по лестнице масонской иерархии, Уайльд терзался желанием перейти в католичество. Преклоняясь перед Рёскиным – самым моральным и чистым мыслителем своего времени, – он был другом и единомышленником Пейтера – человека, поставившего во главу мироздания чувственную красоту» [11].

Для Уайльда непререкаемым был авторитет Рёскина, о котором нет достоверных сведений относительно его членства в масонской ложе. Вместе с тем, факты его биографии косвенно подтверждают, по крайней мере, его близость к идеалам и доктрине масонства. В частности, это касается его взглядов на Красоту, стремлением совершенствования «внутреннего Храма», благотворительностью (Рёскин почти всё своё состояние роздал нищему), особым пиететом по отношению к камню (в данном случае мы можем говорить о масонской символике). Так, Я. Парандовский пишет: «Рёскин проповедовал евангелие труда. Под его надзором ученики мостили дорогу вблизи Хинкси.

– Ничто так не развивает честность, терпение и прямоту характера, как неустанная борьба с упорным и неподатливым материалом, – повторял он над каждой гружённой камнями тачкой» [7, с. 459]. И далее, уже совсем в духе масонства: «Да, да, для меня камни всегда были хлебом!» [7, с. 459], т.к. «во время пиршеств масоны называют хлеб *камнем* <...>. Просматривается насмешка над искусителем, сказавшим: «если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом». Масон, играя словами, возвышает хлеб, который он вкушает, до хлеба своей работы, камня. Любопытно, что в древнееврейском языке слияние слова *отец* אב (‘aba) со словом *сын* בן (ben) даёт слово *камень* אבן (‘eben). Из чего следует, что отец и сын (сыновья), Иаков и его потомки (весь народ Израиля), имеют своим символом камень, который, распадаясь на минералы, даёт жизнь растениям и самому хлебу. Таким образом, камень – всегда основа Мира» [6, с. 161-162].

В «Саломее» местом заключения Иоканаана является не традиционная тюрьма, а старый каменный водоём («Какая странная тюрьма!» [9, с. 92]). Масоны называют колодец Колодцем сильных (как, например, в Шартрском соборе). Точка просветления находится всегда посередине, и это не является простой случайностью, т.к. в этом заложена цель достичь совершенной космической гармонии. Колодец становится воплощением веры масонов в древний герметический принцип «как вверх, так и вниз». Реплика каппадокийца «Старый водоём! Там должно быть очень нездорово» парируется, на первый взгляд, не совсем логичным опровержением солдата: «Нет. Брат тетрарха <...> был заключён там целых двенадцать лет. И не умер. Его под конец пришлось задуть» [9, с. 92]. Иоканаан, который продолжает получать откровения и под землёй, находится под действием этой божественной космической силы. Для понимания скрытого символизма образа Иоканаана колодец – это ещё и намёк на воду, которой крестил пророк.

Тяготение Уайльда к символизму корнями уходит в масонство, т.к. «масонство – это особая система морали, скрытая в аллегориях и выраженная в символах» [1, с. 7], это, «прежде всего, система и последовательность символов» [8, с. 292]. Исследователь масонства Л.М. Мартинес Отеро утверждает, что само «масонство – это ярчайший символ человека» [6, с. 11].

Полностью солидаризуясь с выводами, сделанными А. Аствацатуровым, Н.Ю. Бартош, Т.А. Боборькиной, А.В. Добрицкой, Г.Э. Ионкис, В.А. Луковым, К.Н. Савельевым, Н.В. Соломатиной, А.И. Тетельман и др., мы, тем не менее, выдвинем гипотезу, согласно которой в пьесе «Саломея» Уайльд обратился к библейскому сюжету, т.к. «всемирное братство масонов, как и их предшественники тамплиеры, особенно почитало двух святых – Святого Иоанна Богослова и Святого Иоанна Крестителя» [10, с. 156]. Ересь иоаннитов передавалась при помощи скрытых символов и осуществлялась Мастером, т.к. «мастер – это наивысшая ступень иерархии, прежде всего он <...> владеет значением символов, а также подготовлен к воспитанию неопитов» [6, с. 26].

Основными фигурами, согласно тайному духовному учению, передаваемому семьями Rex Deus и масонами, являются Иоанн Креститель и Илия: «В эзотерическом смысле Иоанн как учитель и иерофан Иисуса, является человеческим мостиком между священным знанием, или гносисом, представленным крылатым драконом, и Иисусом, представленным в виде Agnus Dei <...>, в суфийской религии фигуры Илии и Иоанна Крестителя соединены в одну мифологическую фигуру Хидра» [10, с. 177], который являлся источником высшей, божественной мудрости и имел также другие ипостаси – вавилонского Таммуза (воскресшего бога) и христианского Святого Георгия. Попутно заметим, что Таммуз – это образ, «до сих пор имеющий огромное символическое значение для братства масонов во всём современном мире. Таммуз – одна из первых и доселе существующих концепций жертвенно умирающего и воскресающего бога; бога, который представляет жизненный аспект духовных путей, а именно смерть вещей в мире преходящем и возрождение реалий духовного мира – важной составляющей любого пути инициации» [10, с. 26]. Таммуз считался то супругом, то братом или же сыном богини Иштар и был известен под именем «Повелитель Жизни и Смерти» – титулом, схожим с терминологией масонов.

Таким образом, в Иоанне Крестителе воплощается мистическая форма межрелигиозного плюрализма, свойственного суфизму и воспринятого отсюда масонами. Иоанн Креститель являлся перевоплощением пророка Илии. Поскольку Илия был ветхозаветным персонажем, он не мог знать Истинного Бога (бога Нового Завета). Именно поэтому в гностическом богословии он получил возможность перевоплотиться. Это прямо соответствовало предсказанию Малахии о том, что Илия пройдёт перед Мессией (Малахии 4:5-6). В соответствии с духовным учением масонов преподносится и личность Иоканаана:

«Второй солдат. <...> Некоторые говорят, что это Илия.

Саломея. Кто это Илия?

Второй солдат. Очень древний пророк этой страны, царица» [9, с. 95].

Подобные идеи встречаем и в других ересях. Так, мандеи соглашаются, что Иоанн окрестил Иисуса, но «Иешуа они не признают Спасителем и истинным мессией почитают Иоанна» [2]. Поклонялись ему и катары. Ересью является точка зрения катаров, что Иоанн был учителем Иисуса, и, таким образом, учение Христа представляет собой часть духовного наследия, которое передаётся от учителя к ученику, а утверждение о новизне и уникальности христианства подвергается сомнению.

Тамплиеры, обвинявшиеся святой инквизицией в манихейской ереси, хранили наиболее ценную реликвию ордена – усыпальницу с отрезанной головой Иоанна Крестителя: «эта реликвия – настоящая голова Бафомета, бога рыцарей-тамплиеров» [10, с. 156] – и поклонялись идолу в виде человеческой головы: «Иногда голова эта – белого цвета, иногда она – чёрная, то у неё чёрные волосы, то с проседью, а то вдруг у неё является длинная седая борода» [5, с. 340]. Г.-Ч. Ли отмечает, что «доктор Вильке видит в этом многообразном и воображаемом существе то образ святого Иоанна Крестителя, то троичный Макгросорус Каббалы» [5, с. 341]. Г. Журден утверждает, что «реликвия с головой Иоанна Крестителя, которая хранится в Амьенском соборе, и есть та самая голова Бафомета, которому поклонялись тамплиеры» (цит. по: [10, с. 217]). Вообще, следует заметить, что многие соборы и часовни, которые строились тамплиерами, изобилуют изображениями Иоанна Крестителя при полном отсутствии главного символа христианства – распятия, а на печати тамплиеров Агнец Искушитель держит крест, но это – «удлинённый крест, традиционно ассоциирующийся с фигурой Иоанна Крестителя» [10, с. 152]. И ещё одно странное совпадение, касающееся известного евангельского сюжета поклонения волхвов. Интрига в том, что эта легенда «фигурировала ранее в том же веке, но не в отношении Иисуса, а применительно к его двоюродному брату, Иоанну Крестителю» [10, с. 71]. В ересях мандеев говорится о том, что ангел предупреждает Захарию о готовящемся Иродом убийстве его сына Иоанна. Захария, чтоб спасти своего младенца, отправляет его с матерью в земли, где безопасно (Египет). Д. Кристи-Мюррей отмечает, что с эзотерической точки зрения Иоанн Креститель и Иисус, рождённые в противоположные времена года, создают дуалистическое единство, которое символизирует две наши природы – смертную и бессмертную, как Кастор и Поллукс [12, с. 104-108]. Таким образом, прибегая к тайному символизму и аллегории, средневековые масоны закодировали своё еретическое послание в традиционной иконографии церкви.

В «Саломее» Уайльда Иоканаан (Иоанн Креститель) предстаёт одновременно в традиционном облике (так, солдат-стражник, отвечая на вопрос каппадокийца, рассказывает, что пришёл пророк «из пустыни, где он питался акридами и диким мёдом. На нём было платье из верблюжьей шерсти, а на чреслах кожаный пояс. Он был очень дикий на вид. Большая толпа следовала за ним. У него были даже ученики <...>. Иногда он говорит ужасные вещи, но понять его невозможно» [9, с. 92]) и непривычно молодым (на вопрос Саломеи, является ли пророк старцем, солдат отвечает: «Нет, царица, он совсем молодой» [9, с. 95]). Этому есть объяснение: начиная с эпохи Возрождения Иоанн Креститель зачастую изображается уже не зрелым бородатым мужчиной (согласно Евангелиям), а прекрасным юношей, что кроется в традиционной любви

этого периода к андрогинности и гомозротизму.

Итак, обращение Уайльда к фигуре Иоанна Крестителя отнюдь не ограничивается только лишь влиянием Флобера, Малларме и Массне. Это – стремление доказать, что масонство «и в самом деле посвящено памяти святых Иоаннов. Один из них, Иоанн Предтеча, как известно, предшествовал сыну Божьему и воплощал в себе третий аспект божественности, тот, что связан с материальной формой; он крестил водой, символом очищения, и «распознал» ЕДИНОГО, который должен прийти и указать дорогу. Слово стало плотью» [8, с. 287]. В фигуре Иоанна Крестителя для масонов заключается указание на то, что существует древняя, как мир, традиция, корни которой нужно искать в мифе. Иоанн для масонов – тот же двуликий Янус (заметим, что Янус – это анаграмма имени Иоанн, которое восходит к латинскому *janua* – дверь). Двуликий Янус является, кроме всего прочего, богом посвящения в таинства, хозяином ключей от солнечных врат, дверей богов и людей, *janus inferni et janus coeli*. Не существует одного Иоанна без другого – Богослова без Крестителя. Важнейшей дверью, открывающей проход в Царствие Небесное, является зимнее солнцестояние. В летнее солнцестояние 24 июня, когда Солнце проходит через тропик Рака, день начинает убывать, а в самую долгую ночь удивительным образом исполняется пророчество Иоанна Крестителя: «Ему должно расти, а мне умяться» (Иоанн 3:30).

Г. Ионкис справедливо замечает, что «Саломея добилась своего: она поцеловала мёртвые уста и произнесла то, что открылось ей на исходе её короткой жизни, когда смерть уже осенила её: «Я знаю, ты полюбил бы меня, потому что тайна любви больше, чем тайна смерти. Лишь на любовь нужно смотреть». Эти **главные слова пьесы** (выделено нами. – А.Л.) остались незамеченными, на Уайльда обрушился град обвинений в безнравственности, в декадентстве» [3]. Именно эти «главные слова» суть доктрина масонской инициации, в результате которой посвящаемый проходит путь духовного прозрения и познания от тезиса, что единственной абсолютной истиной в мире является смерть, до религии любви, стоящей отдельно от всех религий (принцип «У тех, кто любит Бога, нет религий – есть только Бог»), а через эту истину до незаметного перехода от любви к Богу к любви к Мудрости, которая по порядку, числу и гармонии (атрибуты гносиса, которому поклоняются масоны) приравнивается к Богу, но являться им не должна.

Как видим, эзотерические коды, уходящие вглубь текста, трудно распознаются и потому требуют читателя, способного улавливать скрытые смыслы, используя рассыпанные по тексту ключи. Масонство для Уайльда – это культурный код, который он воспроизводит в обобщённом образе, свободном от политических наслоений. Насыщенность текста масонскими отсылками, сочетающимися с другими лейтмотивами, производят впечатление нарочитого введения этого кода для создания дополнительных семантических полей произведения.

Источники и литература:

1. Дедопулос Т. Масоны : Взгляд изнутри тайного братства / Т. Дедопулос; пер. с англ. К. И. Молькова. – М. : Изд-во «Издательская группа Контэнт», 2007. – 128 с. : ил.
2. Иоанн Креститель : [Электронный ресурс]. – Режим доступа : ru.wikipedia.org/wiki/Иоанн_Креститель
3. Ионкис Г. Оскар Уайльд и Саломея, царевна иудейская : [Электронный ресурс] / Г. Ионкис // Заметки по еврейской истории : сетевой журнал. – 2002. – № 20. – Режим доступа : www.berkovich-zametki.com/Nomer20/Ionkis1.htm
4. Ланглад Ж. де. Оскар Уайльд, или Правда масок / Ж. де Ланглад. – М. : Молодая гвардия, 2006. – 325 [11] с. : ил. – (ЖЗЛ : серия биографий, вып. 984).
5. Ли Г.-Ч. История инквизиции в Средние века : в 3 т. / Г.-Ч. Ли; пер. с фр. А. В. Башкирова; под ред. С. И. Лозинского. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1911. – Т. 1. – 560 с. : ил.
6. Отеро М. Л. М. Масонство : История, символы и загадки / Л. М. М. Отеро; пер. с исп. М. Ф. Сотсковой. – СПб. : Евразия, 2008. – 254 с. : ил.
7. Парандовский Я. Король жизни / Я. Парандовский // Алхимия слова. Петрарка. Король жизни / Я. Парандовский; пер. с польск. Е. Лысенко; сост. и вступ. ст. С. Бэлзы. – М. : Правда, 1990. – С. 449-630.
8. Спаров В. Полная история масонства в одной книге / В. Спаров. – М., СПб. : АСТ; Астрель-СПб, 2010. – 508 с. : ил. – (Историческая библиотека).
9. Уайльд О. Саломея / О. Уайльд; пер. с англ.: Е. Андреевой, К. Бальмонта] // Саломея : сказки, пьесы, поэмы, лирика, стихотворения в прозе / О. Уайльд. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – С. 89-129.
10. Уоллес-Мерфи Т. Тайный код символов / Т. Уоллес-Мерфи; пер. с англ. М. Хазановой. – Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2007. – 352 с. : ил. + цв. вкл.
11. Юзефович Г. Гений противоречий : [Электронный ресурс] / Г. Юзефович. – Режим доступа : <http://index.org.ru/nb/2000/ellmann.html>
12. Christie-Murray D. A History of Heresy / D. Christie-Murray. – L. : OUP (Oxford University Press), 1989. – 256 p.